

котораго я сіе повѣствованіе слышалъ.) Сей Василій Никитичъ, почувствовавъ слабость своего здоровья, писалъ къ сыну своему Евграфу Васильевичу, находящемуся тогда въ Москвѣ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему въ Болдино и съ первою тогда его женою, для отданія ему послѣдняго долга.

Наканунъ своей смерти Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и вышечисаннаго своего внука верхомъ же, къ слушанію божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ село, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками.

По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показываетъ ему—гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и, избравъ порожнее подлѣ ихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя могилу; и хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышечисаннымъ же своимъ внукомъ, приказавъ священнику на-завтрѣ пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со святыми дарами, и также чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ.

И потомъ возвратился домой, гдѣ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ императрицы, что онъ найденъ невиннымъ и присланъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ, написавъ благодарительное письмо къ государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что уже приближился конецъ его жизни, отпустилъ присланнаго,—и тогда же снята была находящаяся при немъ стража.

Вечеру, когда по обыкновенію пришелъ къ нему поваръ французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару, что уже я болѣе не хозяинъ вашъ, но гость, а вотъ хозяйка (указывая на свою невестку, Евграфа Васильевича жену), она тебѣ прикажетъ, что надобно,—примолвя, что теленокъ начатъ и есть изъ чего готовить.

На слѣдующій день священникъ со всѣмъ причтомъ въ назначенной часъ прибылъ, исповѣдалъ его и причастилъ святыхъ таинъ.

Послѣ сего Василій Никитичъ, приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою и съ

сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія; призвалъ всѣхъ находящихся при немъ людей, простился и съ ними; наконецъ приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ, и при чтеніи седьмаго евангелія скончался на 76-мъ году жизни своей,—приказавъ напередъ, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шума, дабы не продлить мученія тѣла, когда оно разстается съ душою.

Когда же хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что онъ уже по повелѣнію покойнаго давно сдѣланъ, подъ которой ножки онъ, покойной, самъ точилъ.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ VIII-го ТОМА «СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.»

Пушкину иногда приписываютъ произведенія, ему вовсе не-принадлежащія. Нѣсколько свѣденій о подобныхъ ошибкахъ находимъ у г. Анненкова. Вотъ его слова: «Эпиграмма на сочиненіе одного лицеиста, описывавшаго восхождение солнца съ запада (И изумленные народы), приписанная у насъ печатно Александру Сергѣевичу — должна быть уступлена г. Илличевскому. Другая эпиграмма: Салонъ-гостиная — также относимая на счетъ нашего поэта — вышла изъ подъ пера другаго остроумнаго литератора нашего. Экспромпы «о націяхъ», отрывокъ изъ которыхъ явился подъ именемъ Пушкина въ одномъ московскомъ журналѣ столь же мало принадлежатъ ему, какъ и стихи известной сатирической пьесы: Цапли, находимые во всѣхъ сборникахъ съ помѣткой: А. П., а между тѣмъ написанные Баратынскимъ.» (См. Соч. Пушк., т. VIII, стр. 10). Тутъ-же г. Анненковъ выражаетъ сомнѣніе о принадлежности Пушкину приписанныхъ ему будто-бы лицейскихъ пьесъ: «Гаральдъ и Гальвина», «Пѣснь Черкеса», «Цѣль моей жизни»; такое-же сомнѣніе высказано имъ во II-мъ т. Соч. Пушк., стр. 227, относительно пьесъ: «Къ Деліи» и «Делія» и въ VII-мъ т., стр. 18, относительно «Пуншевой пѣсни» (изъ Шиллера); наконецъ, положительно доказано, что стихотвореніе: «Застольная пѣсня» принадлежитъ не Пушкину, а Дельвигу (см. Соч. П., т. II, стр. 228), хотя за пушкинское оно выдано было посмертнымъ из-

даніемъ на томъ основаніи, что осталось въ бумагахъ Дельвига переписанное рукою автора «Онѣгина». (*) Представимъ еще одинъ случай подобнаго недоразумѣнія, случай, особенно важный тѣмъ, что дѣло идетъ о произведеніи истинно замѣчательномъ въ художественномъ отношеніи.

Въ VII-мъ томѣ сочиненій Пушкина, стр. 36, есть нѣсколько строфъ подъ заглавіемъ: «Первыя мысли стихотворенія, обращеннаго къ императору Александру I. Пьесу сопровождаетъ слѣдующее примѣчаніе г. Анненкова: «Стихотвореніе это отыскано нами въ тетрадахъ поэта, принадлежащихъ 1820—1821 году и, можетъ статья, начато въ одно время съ «Наполеономъ,» какъ противопоставленіе ему, или дополненіе его». Но пьеса эта оказывается произведеніемъ не Пушкина, а Жуковскаго и напечатана (полнѣе, чѣмъ у Пушкина), подъ заглавіемъ: «Стихи, пѣтые на праздникѣ англійскаго посла лорда Каткарта, въ присутствіи государя императора Александра Павловича» (**) въ XII-мъ томѣ сочиненій Жуковскаго, Спб. 1857, стр. 111, въ отдѣлѣ: «Стихотворенія, помѣщенныя въ разныхъ журналахъ и сборникахъ послѣ 1812 года.» Приводимъ его по изданіямъ обоихъ поэтовъ:

Текстъ въ изданіи Жуковскаго:

Сей день есть день суда и мщенья!
Сей грозный день землѣ явилъ
Непобѣдимость Провидѣнья,
И гордыхъ силу пристыдилъ.

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу пристать?

Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ съ царей красу порфирь,
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заgrabить міръ.

(*) См. Современникъ 1854 г., т. XLVII, ст. В. П. Гаевского: «Дельвигъ», стр. 17 и 18.

(**) Сей великолѣпный праздникъ данъ 28 марта 1816 года въ годовщину отрѣченія императора Наполеона отъ престола въ Фонтенебло. *Прим. изд. Сот. Жуковск.*

И гдѣ онъ? . . . Міръ его не знаетъ!
Забывъ разбитый истуканъ!
Лишь предъ изгнанникомъ зяеть
Неумолимый океанъ.

И все, что рушилъ онъ, природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла!

И честь тому — кто, вѣрный чести,
Свободѣ мечь свой посвятилъ,
Кто въ грозную минуту, мести
Лишь благодатью отомстилъ.

Такъ! честь ему: и міръ вселенной,
И царскія въ вѣнцахъ главы,
И блескъ Лютеціи спасенной,
И прахъ низринутой Москвы.

Объ немъ молитва Альбіона
Одна съ сыновъ его мольбой:
«Чтобъ долго былъ красой онъ трона
«И челоуѣчества красой!» (*)

Напечатанная въ Сынѣ Отечества 1818 года, № 14, стр. 68 и въ Литературномъ Музеумѣ, альманахѣ на 1827 годъ, В. В. Измайлова, стр. 308, эта пьеса при жизни Жуковскаго не была помѣщена ни въ одномъ собраніи его стихотвореній, потому что

(*) Текстъ въ изданіи Пушкина:

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать,
Когда ладья его летѣла
Съ фортуной къ берегу пристать?

Къ стопамъ солдатъ бросалъ онъ троны,
Срывалъ . . . красу порфирь,
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заgrabить міръ.

И все, что рушилъ онъ—природа
Уже красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла . . .

И честь тому, кто вѣрный чести
За право мечь свой обнажилъ,
Кто въ грозную минуту мести
Лишь благодатью отомстилъ . . .

авторъ говорилъ: «Лежачаго не бьютъ; если Наполеонъ побѣжденъ оружіемъ, я не хочу забивать его моими стихами.» Сочиняя оду «Наполеонъ», Пушкинъ отмѣтилъ нѣкоторыя строфы изъ стихотворенія Жуковскаго въ своей черновой тетради и, можетъ быть, отмѣтилъ на память. Отъ того могли произойти различія, очевидныя при сличеніи пушкинскаго текста съ текстомъ Жуковскаго. Пушкинъ обладалъ удивительною способностью запоминать стихи любимаго имъ Жуковскаго; такъ, авторъ «Свѣтланы» прочелъ ему свою балладу «Ахиллъ» немедленно послѣ созданія ея, и знаменитый слушатель тотчасъ же въ слѣдъ за нимъ повторилъ её всю, почти безъ ошибокъ. Этотъ фактъ, какъ и вышеприведенныя слова Жуковскаго сообщены намъ лицомъ, близкимъ къ обоимъ поэтамъ, рассказами котораго уже пользовались наши біографы Жуковскаго, Пушкина и нѣкоторыхъ ихъ современниковъ.

Леонидъ Майковъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вѣясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О какъ милѣ ты, смиренница моя,
О какъ мучительно тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень по-неволѣ.

1850 г.

СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЕЙ ИЕЗУИТСКАГО ОРДЕНА.

Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus ou notices bibliographiques 1) de tous les ouvrages publiés par les membres de la compagnie de Jésus depuis la fondation de l'ordre jusqu'à nos jours, 2) des apologies, des controverses religieuses, des critiques littéraires et scientifiques suscitées à leur sujets, par Augustin et Alois de Backer de la même compagnie.

Première série: Liège 1853. VII u 792 страницъ; deuxième série. Liège 1854. XXI u 680 страницъ, потомъ Appendice въ 112 страницъ (); troisième série. Liège 1856. XXII u 775 страницъ.*

Замѣчательнаго этого сочиненія вышло о сую пору только три тома въ большую осьмушку по два столбца на страницѣ. Цѣль его—полная библіографія всего того, что издано на множествѣ европейскихъ и другихъ языковъ—езуитами: и мало извѣстными и тѣми, которые занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ, по всѣмъ отраслямъ науки.

Для Россіи важнѣе прочихъ третій томъ (troisième série) по множеству свѣденій, сообщенныхъ въ немъ о езуитахъ изъ Польши и другихъ славянскихъ земель провинціаломъ Галиціи Брауномъ. Мы же рекомендуемъ въ особенности порядокъ и способъ изданія этого сочиненія тѣмъ нашимъ біографамъ и библіографамъ, которые, собравъ множество свѣденій, оставляютъ ихъ въ своихъ картонкахъ и портфеляхъ неизданными отъ того только, что или изобрѣтаютъ форму изданія или боятся издать свѣденія неполныя и недостаточныя. Отъ этого они откладываютъ обнародованіе драгоценныхъ матеріаловъ, не думая обо всемъ томъ, что въ будущности можетъ уничтожить ихъ предпріятіе и подвергнуть гибели начатое.

Езуитскіе библіографы поступаютъ лучше. Въ 1853 году они издали первый томъ, содержащій подѣ литеррами французскаго алфавита отъ А до Z имена всѣхъ тѣхъ сочинителей своего ордена, объ которыхъ свѣденія были у нихъ уже на лицѣ. Подѣ каждымъ

(*) Этотъ арпендисе содержитъ исторію изданія и оглавленіе того собранія писемъ, которое на французскомъ языкѣ известно подѣ названіемъ: *Lettres édifiantes et curieuses*, а на нѣмецкомъ подѣ заглавіемъ: *Der neue Weltbct.*